

Юрий ФОКИН *полковник медицинской службы,
доктор медицинских наук*

*Худ. Е. Зайцев. Молебен на
Бородинском поле. 1998-2005 гг.*

СЕРДЦЕ РОССИЙСКОГО ВОИНА ДОЛЖНО ПРИНАДЛЕЖАТЬ БОГУ И ОТЕЧЕСТВУ

Выступление на IX Всемирном Русском Народном соборе

Церковь и армия... Совсем недавно в нашем обществе эти два понятия невозможно было представить рядом. Сегодня российские военачальники повернулись лицом к церкви, увидев в священниках реальных помощников в воспитании личного состава и создании в воинских коллективах атмосферы духовности и патриотизма.

Вопросы защиты Отечества никогда не были чужды Русской Православной Церкви. Христианское отношение к войне и воинской службе вытекает из ответов Церкви на самые фундаментальные вопросы: происхождение зла, природа насилия, возможность применения силы в борьбе со злом. В основе этих ответов — учение о грехопадении человека и его искуплении Сыном Божиим.

Церковь и Священное Писание учат, что зло не было сотворено Богом, но получило доступ в наш мир через падение первых людей. И вместе со злом в мир вошло насилие, потому что райские отношения любви и взаимного доверия сменились отношениями власти и подчинения. Первое грехопадение повлекло за собой, начиная с убийства Каином Авеля, длинную цепь зла. Вместо царственного владычества над землей человек стал рабом природы.

В Евангелии от Матфея сказано: «Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть» (Мф. 24, 6). Властям дан от Бога меч — охранять государство от опасностей внутренних и внешних. Однако потому,

что предоставленный от Бога меч дан в руки грешных людей, он не застрахован от страшных злоупотреблений. Поэтому и война может быть справедливой и несправедливой. Справедливая война — та, которая ведется оружием правды — за алтарь и очаг Отечества, или та, посредством которой подается помощь другим народам, оказавшимся в угнетенном положении.

В Священном Писании исключительно уважительно говорится о военных и их вере. Господь Иисус Христос однажды испытал удивление от большой крепости веры, причем в разговоре с воином, римским сотником в Капернауме: «... Иисус удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры» (Лк. 7, 2-9). В Книге Деяний святых апостолов (гл. 10) описывается также христолюбивый воин-сотник Корнилий — «благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу». В Евангелии предполагается, что призвание воина совместимо с нравственной сущностью христианства, и человек надеется спастись не потому, что он воин или не воин, а потому, что он христианин. Меч, употребляемый в праведной битве, не есть меч убийцы, а оружие, данное Господом для водворения правды на земле.

Апостол Павел писал об основных христианских добродетелях, сравнивая верующего именно с воином: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возь-

мите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6. 14-17). Именно так поступало русское воинство в критические моменты истории.

Война сопряжена с гибелью и страданиями людей, поэтому должны быть испробованы все мирные способы разрешения конфликта. Во время ведения войны христианская гуманность требует милосердия к пленным и раненым.

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год писал: «Подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса <... > И многие, толкующие теперь о гуманности, суть лишь торгующие гуманностью. А между тем крови, может быть, еще больше бы пролилось без войны <... > Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока <... > Буржуазный долгий мир все-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит ее сам из себя, как жалкое следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам. Интересы эти и войны, за них предпринимаемые, развращают и даже совсем губят народы, тогда как война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, — такая война лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация».

Наш современник А. Солженицын вложил в уста одного из своих героев такие слова: «Дилемма «мир — война» — это поверхностная дилемма поверхностных умов. Мол, только бы войны прекратить, и вот уже будет мир. Нет! Христианская молитва говорит: мир на земле и в человецех благоволение! Вот когда может наступить истинный мир: когда будет в человецех благоволение! А иначе будут и без войны: душить, травить, морить, колоть под ребра, жечь, топтать, плевать в лицо».

* * *

Союз служителей веры и армии начал формироваться с первых веков христианства на Руси. Ведь русское воинство понимали не иначе как святую доблестную рать, называя его «христоролюбивым». В церковном языке слово «воин» имеет особое значение. Среди святых, почитаемых Православной Церковью, целый сонм воинов. Среди них Феодор Стратилат, Димитрий Солунский, небесный покровитель русского воинства Георгий Победоносец, великие русские полководцы святые благоверные князья Александр Невский и Димитрий Донской, святые князья страстотерпцы Борис и Глеб, князья Михаил и Глеб Черниговские и многие другие.

Подступы к городам от вражеских набегов защищали и монастыри. Русские дружины шли в бой с благословения Церкви, под святыми знаменами и заступничеством чудотворных икон. Вера для них имела огромное значение. Она вселяла уверенность в победу, в правоте своего дела. История сохранила немало тому примеров. Наиболее яркий из них — Куликовская битва, которая произошла в день праздника Рождества Богородицы.

Перед битвой (7 сентября 1380 года) князь Димитрий на военном совете держал такую речь: «Ныне же пойдем за Дон и там или победим и все от гибели сохраним, или сложим свои головы за святые Церкви, за Православную веру и за всю братию нашу христиан». По свидетельству летописцев, великий князь московский Димитрий, прежде чем выступить в поход против Мамае, прибыл в Свято-Троицкий монастырь, где долго и усердно молился и принял напутственное благословение от преподобного игумена обители Сергия Радонежского. «Войско готово. Иди, и ты победишь», — молвил отец Сергий и вручил Димитрию икону Божией Матери. (Памятуя историю, перед вводом 8-го гвардейского корпуса в Чечню генерал Лев Рох-

лин принял крещение в Казанском соборе Волгограда у отца Алексия. Примеру командира последовали многие офицеры и солдаты, как известно, этот корпус при штурме Грозного понес наименьшие потери.)

Помимо благословения, преподобный Сергий Радонежский послал с князем двух своих иноков — Пересвета и Ослябю. После разгрома Мамаева полчища погибших русских воинов перевезли в Москву и похоронили на красивейшем месте — на склонах Альбовой горы. По православной традиции на братских могилах были устроены деревянные церкви. Позже в память о погибших был построен монастырь Иоанна Предтечи. Герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя, как известно, похоронены в Симоновом монастыре.

По совету Сергия Радонежского Димитрий Донской постановил ежегодно совершать поминовение погибших воинов в первую субботу после 26 октября. День этот стали называть Димитриевой субботой. Так возник прекрасный обычай совершать в этот день особый чин поминовения «о православных воинах и обо всех, за веру и Отечество на поле брани убиенных».

Действительно, определяя войну вообще как бедствие и несомненное зло, Русская Православная Церковь считает войны в защиту Отечества священными, а погибающих в них воинов — совершающими подвиг жертвенной любви, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Широко известен факт трехдневного поста и молитв русско-го войска перед походом на Лжедмитрия. Великий полководец Суворов перед штурмом предместий Варшавы в 1794 году обратился к солдатам с такими словами: «Мы приступаем к делу важному и решительному: как христиане, как русские люди помолимся Господу Богу о помощи и примиримся друг с другом. Это будет хорошо, это по-русски, это необходимо». Вот почему есть твердое убеждение, что принимать присягу на верность Отечеству молодые воины должны перед Крестом и Евангелием, в присутствии священника.

Неувядаемой славой покрыли себя и военные священники России. До 1904 года за военные подвиги были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте 111 военных священников. Кроме того, золотые наперсные кресты получили: от Кабинета Императора — 8, от Священного Синода — 31 священник. Многие были награждены различными орденами, с мечами или бантом. За годы Первой мировой войны священникам было вручено: 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте, 85 орденов св. Владимира III степени с мечами, 203 ордена св. Владимира IV степени с мечами, 304 ордена св. Анны II степени с мечами, 239 орденов св. Анны III степени с мечами.

Многим известно имя командира крейсера «Варяг» капитана I ранга Всеволода Федоровича Руднева, но мало кто знает его однофамильца — корабельного священника отца Михаила Руднева. И если командир управлял боем из бронированной рубки, то Руднев-священник бестрепетно ходил под огнем по залитой кровью палубе, напутствуя умирающих и воодушевляя сражающихся. Так же действовал корабельный священник крейсера «Аскольд» иеромонах Порфирий во время боя 28 июля 1904 г.

Отец Алексей Оконечников был священником на крейсере «Рюрик». В бою корабль получил тяжелые повреждения. Иеромонах оказывал медицинскую помощь военным морякам и исповедовал раненых, отпевал павших, а когда все, оставшиеся в живых, кроме командира, покинули крейсер, готовый вот-вот пойти ко дну, он спустился в боевую рубку, омыл раны командира, помог офицеру добраться до борта и последним бросился в воду.

Связь церкви и армии была органичной. Русский публицист и философ С. Н. Булгаков писал: «Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может

существовать никакая армия, да верой. Верой, которая давала ему возможность воевать не за страх, а за совесть. Содержание солдатской веры известно в трех словах: за Веру, Царя и Отечество. Но все эти три идеи нераздельно были для него связаны: вера Православная, Царь Православный, Отечество тоже Православное...»

Русское христолюбивое воинство на практике воплощало слова Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Именно роль России и русской армии как «удерживающего» некоторые современные историки и богословы усматривают в словах апостола Павла: «... тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7).

Поистине, религиозность народов России была одним из факторов бесстрашия и побед ее армии. «Воины, вот пришел час, который решит судьбу Отечества, — обращался к своему войску Петр I накануне Полтавской битвы. — Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу веру и Церковь».

Император хорошо понимал значение состояния духа. Поэтому, наряду с созданием регулярного войска, в начале XVIII века монаршей волей была сформирована основа института военного духовенства. Как известно, своего покровителя в лице святого угодника имел каждый полк. Знамя считалось полковой святыней, как образ, который нужно защищать до смерти. Священной для воина была и присяга. Ритуал ее принятия — на Евангелии — носил религиозный характер. Нарушение присяги считалось большим грехом перед Богом и перед людьми: «Суровый закон, стоящий на страже интересов, покарает клятвопреступника, как негодного гражданина; гнева Божия не минует он за Иудино лобзание Креста и Евангелия».

Однако не только под сводами храмов, но и в казармах духовно окормляли свою паству священники российской армии и флота. Они были рядом с воинами в боях и походах, делили с солдатами и офицерами победы и неудачи, все тяготы войны; благословляли на подвиг храбрецов, воодушевляли малодушных, утешали раненых, напутствовали умирающих, провожали в последний путь убитых.

Особенно велика и показательна была роль военного духовенства в годы Первой мировой войны. Еще в середине лета 1914 г. в Петербурге был созван Всероссийский съезд военного и морского духовенства. Священный Синод призвал монастыри, церкви и всю православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых, оказание помощи солдатским семьям. Монастырям, общинам и всем духовным учреждениям было положено подготовить под лазареты все подходящие помещения. Все обители призывались к подготовке способных и благонадежных сиделок для ухода за ранеными в госпиталях. Военно-духовное ведомство немедленно перешло на штат военного времени. Их деятельность определялась инструкцией, которая была разослана в войска уже на второй день после начала войны. Корпус военных пастырей возглавлял с 1911 года протопресвитер военного и морского духовенства, приравненный в своем армейском статусе к генерал-лейтенанту, Георгий Иванович Шавельский. Со всей полевой канцелярией он находился при Ставке верховного главнокомандующего.

Следующей после протопресвитера инстанцией были главные священники фронтов и флотов. В соединениях, частях и на кораблях, по штатам военного времени, предусматривались дивизионные, бригадные и гарнизонные благочинные, а также полковые и корабельные священники. В зависимости от конкретных условий боевой обстановки, характера задач, решаемых войсками, места части в боевом порядке священники использовали различные формы работ. Например, в частях

первого эшелона место священника — на перевязочном пункте. Пастыри должны были уметь делать перевязки. При сортировке раненых выделялись нуждающиеся лишь в утешении священника («убитые, но еще не успевшие умереть» — цитата из А. Н. Беркутова, известного военно-полевого хирурга). Когда того требовала обстановка, пастырь находился на передовой, в цепи наступающих подразделений или окопах обороняющихся.

Важной стороной деятельности военных священников было погребение погибших и умерших воинов, отдание им последних почестей, извещение родных о смерти солдата (матроса), его последней воле, месте погребения. Содержание в подобающем порядке военных кладбищ и захоронений также было для пастырей священным долгом. Каждый полк имел походную церковь, состоящую из палатки, приспособленной под алтарь, и комплекта богослужебных принадлежностей. По праздникам совершались богослужения, в вечернее время — беседы с личным составом частей резерва, в первую очередь — с необстрелянными бойцами.

Революционные бури развалили русскую армию, а вместе с ней и институт военного духовенства. 16 января 1918 года Наркомат по военным и морским делам издал приказ № 39, по которому Управление военного духовенства было расформировано, а все военные священники уволены с государственной службы. Эпоха самодержавия, идеологическим фундаментом которого было православие, сменилась эпохой воинствующего атеизма. Россия оказалась расколотой на два враждебных лагеря, а вместе со страной оказалась расколотой и церковь.

Но у старой русской армии накоплен огромный опыт участия духовенства в работе по формированию у воинов необходимых морально-психологических качеств. Этот опыт сейчас может и должен быть применен, однако с существенными оговорками, обусловленными следующими обстоятельствами: светским характером Российского государства, отделением церкви от государства; низким, по сравнению с дореволюционной Россией, уровнем религиозности личного состава Вооруженных сил; отсутствием в структуре Вооруженных сил института духовенства.

Активное взаимодействие Министерства обороны с Московским патриархатом началось в начале 90-х годов. Его организационные основы были заложены в совместном заявлении о сотрудничестве, подписанном министром обороны Российской Федерации и Патриархом Московским и всея Руси 2 марта 1994 г. Заявление констатировало цели, основополагающие принципы и направления взаимодействия Вооруженных сил России с Русской Православной Церковью. С учетом позитивного опыта взаимодействия, накопленного в войсках, а также для придания работе с религиозными объединениями системного характера 4 апреля 1997 г. министр обороны РФ и Патриарх Московский и всея Руси подписали соглашение о сотрудничестве. Соглашение предусматривает расширение направлений и форм взаимодействия на различных уровнях: от Министерства обороны до воинской части (корабля).

Основные формы участия духовенства в работе с личным составом силовых ведомств:

- посещения воинских частей (кораблей), военных академий (училищ);
- проведение индивидуальных и групповых бесед с военнослужащими, в том числе и с представителями так называемых «групп риска»;
- освящение боевых знамен (оружия, техники);
- консультирование командиров (офицеров воспитательных структур) по вопросам религии и церкви;
- установление телефонов доверия в храмах, по которым военнослужащие могут поведать пастырю о своих проблемах, получить психологическую и практическую помощь. В Московском Патриархате создан Отдел по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями.

В епархиальных управлениях назначены священники-координаторы сотрудничества с войсками.

* * *

И снова на планете грохочут выстрелы и взрывы, унося все новые жизни людей.

В Российской Федерации наиболее нестабильным регионом остается Северный Кавказ, где в настоящее время проводится антитеррористическая операция.

С христианских позиций беда эта является попусшением Божиим за наши грехи. Испытание суверенитетом и быстрым обогащением ожесточило сердца, довело до разделения людей и их вражды друг с другом. Соблазн больших денег привел к прямой передаче вооружения бандформированиям в Чеченской республике. Для уничтожения бесчинства государство вынуждено было применить силу. Кроме того, в этом регионе налицо интервенция и экспансия исламского экстремизма, имя которому ваххабизм, на православие и настоящий ислам. Разрушаются оскверняются православные храмы, происходят убийства священников, наши военнослужащие распинаются на кресте, русские вытесняются с территории Кавказа.

Не рассказать сегодня о новых мучениках за Христа было бы несправедливо.

В г. Грозном до начала войны был православный храм в честь Архистратига Божия Михаила. Настоятель храма — бывший военный летчик, командир эскадрильи отец Анатолий Чистосов. Вместе с отцом Филиппом Жигулиным они попали в чеченский плен. Тот, кто побывал в застенках у боевиков, прошел все круги ада. В плену наше тело — инструмент, через который враг хочет достать нашу душу. Ему надо растлить тело и веру, чтобы сделать душу уступчивой злу, но не всегда это у боевиков получается. Как погиб отец Анатолий? Его казнили — тело разрубили на куски и бросили на съедение собакам...

А вот что писала одна из газет в апреле 1995 года: «7 апреля боевики Дудаева распяли на крестах трех пленных российских военнослужащих». Распятие солдат они специально приурочили ко дню Святой Пасхи. Жители села Гойского в ужасе говорили о том, что убийцы обещали лично проверить, воскреснут ли через три дня распятые солдаты. Действительно Страстной стала эта пятница для наших военнослужащих.

По данным штаба Терского казачьего войска, территорию Чечни и Ингушетии только в первую чеченскую кампанию покинуло более 55 тысяч казаков, более 12 тысяч человек убито или пропало без вести. Всего, по данным МВД и ФМС, эту территорию покинуло более 300 тысяч человек русскоязычного населения, погибло более 30 тысяч человек. Этот виток геноцида можно прокомментировать на примере станицы Ассиновская, где было убито 49 русских, женщины изнасилованы, сожжена православная церковь, один священник убит, другой похищен. Все дома отняты чеченцами. Сегодня Грозный и вся Сунженская долина «свободна» от казаков. Аналогична судьба казаков в Надтеречном, Наурском и Шелковском районах.

Российскому воину, защищающему мир на своей земле, должно быть понятно, что с православной точки зрения не ему вменяется грех убийства, а его врагу. Более того, агрессор должен рассматриваться не только как самоубийца, но и как преступник, принуждающий к самоубийству другого. Особенно это касается политических и военных лидеров, которые ведут за собой тысячи людей.

В 2005 году мы отмечаем большой праздник — 60-летие Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это была не столько победа армии или техники, сколько победа духа защитников Отечества над силами разрушения. Внешне атеистическое, советское воинство в тяжелейших испытаниях проявило лучшие качества христолюбивого русского воина и смогло одолеть сильного, организованного и коварного врага.

В наши дни под влиянием Церкви возрождаются утраченные традиции поминовения российских воинов, отдавших свои жизни за Отечество. Так, ежегодно совершаются панихиды по русским гренадерам, погибшим в конце прошлого века в Болгарии под Плевной, по воинам-афганцам, по морякам подводных лодок «Комсомолец» и «Курск». Офицеры осваивают положительный опыт Церкви в оказании психологической и социальной помощи подчиненным. Священнослужители, в свою очередь, выступают перед руководящим составом, перед слушателями академий, на сборах офицеров-воспитателей. Священники знакомят военных с историей взаимоотношений армии и Церкви, раскрывают духовные, культурные сокровища, участвуют в преподавании гуманитарных дисциплин.

Начал также работу Координационный комитет по взаимодействию между Вооруженными силами РФ и Русской Православной Церковью — и это лишь первый шаг к тому, чтобы преодолеть изоляцию армии от духовных богатств, накопленных Церковью, более полно реализовать права верующих военнослужащих.

Можно уже сказать и о первых плодах. Из идеологической пропаганды ушел жесткий прессинг атеизма. Многие воспитатели начинают осознать общность служения воина и служения священника, прослеживают связь православия с развитием отечественной культуры. Недалеко от Сергиева Посада в поселке Арсаки есть подразделение, где служат четыре десятка слушателей православных учебных заведений: эти солдаты — пример добросовестного исполнения воинского долга, высокой нравственности, культуры и дисциплины.

Вера должна быть возрождена в российской армии как православная русская традиция — основа державного самосознания российского, основа нашей тысячелетней культуры, органично слившаяся с национальными славянскими качествами души. А пока этого нет, то на чеченской войне десантники идут в бой со словами «За ВДВ!», «За Сereгу!»

Иерархи церкви, оценивая международную и внутреннюю обстановку, выступают за всемерное укрепление армии. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, предвосхищая опубликованные позже основы российской военной доктрины, в своей статье «Творением добра и правды» писал:

«Военное строительство должно исходить из необходимости решения государством следующих основных задач:

— осуществлять глобальное военное «сдерживание», то есть возможность в любое время нанести ущерб всякому агрессору, будь то отдельная страна или враждебный союз государств;

— гасить любые военные конфликты в зоне жизненных интересов России;

— быстро и эффективно блокировать взаимные межнациональные столкновения как в ближнем зарубежье, так и в границах России;

— во взаимодействии с силами внутренних войск и государственной безопасности поддерживать стратегическую внутригосударственную стабильность.

Существенным элементом современного военного строительства должно стать возрождение в Вооруженных силах России славных русских боевых традиций, основанных на высокой духовности, религиозно-нравственных идеалах верности, мужества и отваги».

Вдумываясь в нравственные христианские законы, православную традицию и историю русской армии, нельзя не прийти к выводу о необходимости тесного сближения в наше время Армии и Церкви. Это тем более справедливо, что каждый христианин — прежде всего борец со злом, воин Христов. Старец Силуан говорил об этом так: «Все, кто последовал Господу нашему Иисусу Христу, ведут духовную войну. Сражение наше идет на каждый день и час. И если на обычной войне убивают только тело, то наша война труднее и опаснее, потому что может погибнуть душа».